

МАРТ

4 марта 1900 г.

В ИМПЕРАТОРСКОМ РУССКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

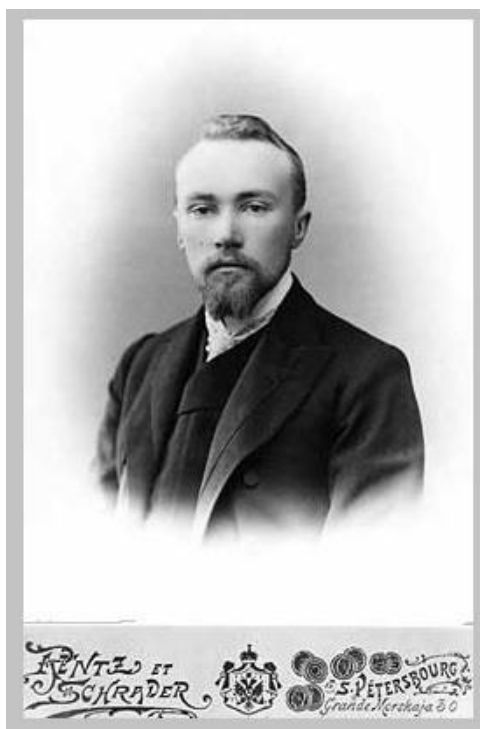
В субботу, 4 марта, проф. С.Ф. Платонов сообщил об исследовании очень интересной рукописи XVI века сочинения Ивана Пересветова. Но этот любопытный памятник не сохранился в целом виде. Он передаёт рассказ о Царе Махлете-Салтане, завоевавшем Константинополь и введившем различные реформы в своём царстве. Судя по описанию этих реформ, автор подразумевает под Салтаном Иоанна грозного. По мнению референта, сочинение Пересветова написано было не ранее 1555 и не позднее 1565 г.

Художник-археолог Н.К. Рерих сообщил о раскопках, произведённых близ ст. Вруда весной 1899 г. членами и слушателями Археологического института.

Биржевые ведомости. 1900. 6/19 марта. № 64.

[Весна 1900] СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Хорошая моя Лада, посылаю карточку. Поезжай в фотографию при возможности. Я полагаю Тебе не худо попринимать железо. Скоро зайду.

Весь Твой Н.Р.

Если Екат. Вас. не видит, то целую жестоко.

Отдел рукописей ГТГ. 44/176. 1 л.

НОВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «МИР ИСКУССТВА»

10 марта 1900 г.

Выставки

К существовавшим в Петербурге художественным обществам прибавляется ещё одно, под главным руководством г. Дягилева. В состав его привлечены: некоторые из членов и экспонентов Товарищества передвижных художественных выставок, как то: гг. А. Васнецов, Досекин, Левитан, Нестеров, Нилус, Светославский, Суриков, Серов; из участников «весенних» выставок в Императорской Академии художеств – гг. Браз, Вальтер, Малявин, Пурвит, Рерих, Руциц, Ционглинский; из участников выставок «Мира искусства» - гг. Бакст, Ал. Бенуа, Билибин, Голубкина, К. Коровин, Лансере, Обер, К. Сомов, кн. Трубецкой, Якунчикова; итого 25 человек.

Главными заправилами называют, кроме Дягилева, также Ал. Бенуа и Серова, уже вышедшего из числа передвижников. Непременным условием участия в новом Обществе, по слухам, будет воспрещение участвовать в каких-либо иных выставках.

Хроника журнала «Искусство и художественная промышленность». 1900. 10 марта. № 11.

13 марта 1900 г.

...На собрании участников выставок журнала «Мир искусства», состоявшемся 24-го февраля 1900 г., выработаны следующие правила:

1) Выставки журнала «Мир искусства» состояются из произведений: а) художников, присутствовавших на упомянутом собрании 24-го февраля 1900 г.; б) художников, случайно не могших присутствовать на собрании, но единогласно признанных собранием за постоянных членов будущих выставок журнала «Мир искусства» и с) художников, получивших приглашения от распорядительного комитета.

В первую категорию вошли художники: Бакст Л., Бенуа Александр, Билибин И., Браз И., Вальтер И., Васнецов Ап., Досекин Н., Лансере Е., Левитан И., Малявин Ф., Нестеров М., Обер А., Остроумова А., Пурвит В., Руциц Ф., Светославский С, Сомов К., Серов В. и Ционглинский Я.

Во вторую категорию вошли художники: Врубель М., Головин А., Коровин К., Коровин С, Малютин С, Мамонтов М., кн. П Трубецкой и Якунчикова М.

Приглашения на выставку 1901 г. собрание постановило послать следующим лицам: Архипову А., Бакшееву В., Виноградову С, Голубкиной А., Околовичу Н., Пастернаку Л., Переплётчикову В., Рериху Н., Ржевской А, Рылову А. и Рябушкину.

2) Ведение дел выставок поручается распорядительному комитету, состоящему из трёх членов. Ежегодное собрание постоянных участников выставок журнала «Мир искусства» выбирает из своей среды на один год двух членов комитета, одного из числа петербургских, другого из числа московских художников. Третьим, постоянным, членом комитета состоит редактор журнала «Мир искусства».

На собрании 24-го февраля закрытой баллотировкой избраны в члены комитета художники В. Серов и Александр Бенуа.

3) Все художественные произведения, присланные на выставку, представляются на обсуждение комитета, постановляющего свои решения большинством голосов. При сём постоянные участники имеют право выставлять, по их личному выбору, вне конкурса, одну вещь, о которой заявляют комитету одновременно с присылкой картин. Относительно же лиц, приглашённых на выставку, комитет обязуется, во всяком случае, принять, по своему выбору, одно из присланных каждым из них произведений.

4) Относительно участия на других выставках, в собрании сего 24-го февраля постановлено было, что на будущий 1901 год находившиеся в собрании художники: Бакст Л., Бенуа Александр, Билибин И., Браз И., Вальтер И., Досекин Н., Лансере Е., Левитан И., Малявин Ф., Нестеров М., Обер А., Остроумова А., Пурвит В., Руциц Ф., Светославский С, Сомов К, Серов В. и Ционглинский Я. выставят все свои произведения исключительно на выставке журнала «Мир искусства», сохраняя за собой право выставлять на других выставках лишь вещи, не принятые комитетом выставки журнала «Мир искусства».

5) Выставка 1901 г. по времени не должна совпадать с выставкой, устраиваемой товариществом передвижных художественных выставок. Продолжительность выставки определяется в 4-6 недель, по усмотрению комитета, коему предоставлено и самое устройство её (размещение художеств. произвед. и пр.).

6) Новые участники приглашаются на выставку по предложению семи постоянных членов-участников. Приглашение это делается на один год с применением к вновь приглашённому пункта 3.

7) Вопрос о приглашении на выставку 1901 г. иностранных художников разрешён отрицательно. Признано желательным лишь привлечение финляндских художников к участию на выставке на общих основаниях.

Новости и биржевая газета. 1900. 13/26 марта. № 72. Понедельник.

**14 марта 1900 г. Село Заянье Гдовского уезда.
Письмо А. Нечаева к Рериху Н.К.**

Министерство Народного просвещения.
Санкт-Петербургский учебный округ.
Заянское первоклассное сельское училище.
Санкт-Петербургской губернии Гдовского уезда.

Его Высочородию преподавателю Санкт-петербургского Археологического Института Господину Рериху.

Имею честь приложить при сём некоторые сведения касательно составляемой под Вашу редакцией Археологической карты С.-Петербургской губернии, причём прошу имя моё привести в источниках, способствовавших изданию.

Сведения

Гдовский уезд, Юдинской волости, село Заянье. В 1 версте от села Заянья, по направлению у Северо-Востоку, близ озера, называемого Хоромном, на невысоком холме, на котором построена часовня в честь Покрова Богородицы, находится овальная могила. длиною около 1 саж., а шириною около 3/4 саж. креста на могиле нет. Могила вся выложена как бы сводом камня. Могила эта была исследована летом 1899 года, и в ней был найден скелет человека

(кости), на руке которого найден металлический браслет; там же найдено ожерелье. Могилу относят к нашествию Литвы. в 1 версте от этой могилы, по направлению к Востоку. находится несколько курганов от 1 саж. до 3-х вышины, а в диаметре от 1 1/2 до 3 саж. Один из курганов (2 1/2 саж. вышины и 3 1/2 саж. в диаметре) был исследован летом же 1899 года земским начальником Глазовым. В нём, кроме углей, свидетельствующих, что здесь было сожжение, не найдено ни чего; курган выложен каменным сводом.

Заведующий Заянским училищем учитель А. Нечаев.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II – III. Самара. 1999.

18 марта 1900 г. Могилёв.

Письмо Ник. Влад. Мятлева к Рериху Н.К.

Многоуважаемый Господин Рерих,

Надеюсь Вы не посетуете на меня за то, что я не имея удовольствия личного знакомства с Вами и зная Ваши имя и отчество лишь по начальным буквам, обращаюсь к Вам с настоящим столь необычно озаглавленным письмом, тем более, что вызвано это письмо интересом к той науке, на поле которой Вы уже искушённый в боях воин, я же лишь новобранец призыва 1893 года, ставлю эту дату, т.к. в этом году производил свою первую раскопку с князем Путятиным на Бологовском озере. Вызвано моё письмо следующим обстоятельством: в № 2 Вестника Всеобщей истории в отделе из области археологии на стр. 260 напечатано résumé сообщения Вашего в Археологическом Институте 11 Ноября 1899 года «Некоторые древности Шелонской пятины», из коего видно, что исследования Ваши захватили часть Старо-Русского уезда.

Старорусский уезд мне хорошо знаком, т.к. я до 1898 года ежелетно проживал в г. Старой Руссе месяцев 5, причём старательно собирал сведения о курганах, жальниках, городищах и случайных находках в уезде, сам ездил по уезду и раз с тем же князем П.А. Путятиным производил пробную раскопку близ села Б. Витолни, Коростынской волости, на основании добытых данных мною составлена археологическая карта Старорусского уезда (по программе карт Антоновича и Покровского). Карта эта была осмотрена и одобрена В.Б. Антоновичем и предполагалось её представить XI Археологическому Съезду, но по независимым от меня причинам ни я, ни карта на Съезд не попали.

В настоящее время я очень этому доволен, так как моя карта без сведения о Ваших раскопках в пределах Старорусского уезда была бы далеко не полна, что и могло бы мне быть поставлено в немалый упрёк. Пополняя по мере накопления сведений свою карту, я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой не отказать мне в сообщении сведений: 1) какие и при каких сёлах Старорусского уезда сопки и жальники Вами исследованы? 2) что оказалось в сопках и жальниках (погребения или сожжение? какие вещи? какая эпоха?) и 3) какие ещё, кроме исследованных, известны Вам сопки и жальники в уезде? Надеюсь, что сообщение этих сведений, для меня драгоценных, Вас не затруднит, если же сведения о раскопках ваших (более подробнее, чем упомянутая заметка в “Вестнике всеобщей истории”) где-либо уже напечатаны или напечатываются, прошу лишь указать издание. Если моя карта Вас интересует, то я с удовольствием доставлю Вам, ранее её издания, рукописную копию с неё и объяснительные записки. Долгое время я был оторван от Новгорода и жил на юге, но с весны перебираюсь в Новгород на службу и тогда пополню свою карту личными исследованиями и примусь за Крестецкий и Демьянский уезды. Ещё раз прошу Вас извинить меня за беспокойство.

В надежде на благоприятный ответ остаюсь уважающий Вас готовый к услугам
Н. Мятлев.

Адрес: г. Могилёв-Губернский. Товарищу Прокурора Николаю Владимировичу Мятлеву.

На письме запись Н.К. Рериха карандашом:
Послан оттиск "Древностей Шелонской Пят."

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1030, 2 л.

19 марта 1900 г.

ВЕСЕННИЕ ВЫСТАВКИ

Г[-н] Рерих выставил только одну картину «Поход (Русь)». Она служит продолжением других, появившихся раньше, где были воплощены моменты в жизни той же Руси, предшествовавшие «Походу», как прошлогодние «Старцы», собравшиеся на совет, и ещё раньше «Гонец», посланный с вестями от одного из древних славянских племён к другому.

Картина эта, как и прежние, является чем-то новым, сильным и самобытным. К ней никак не подойдёшь с выработанными уже «мерками», что особенно раздражает привыкших к ним ценителей, делящих все картины на определённые разряды: пейзажи, жанры, исторические и т. п. Причислить её к пейзажам — нельзя, потому что одинаковое значение имеет здесь и изображение людей, но в картине нет «рассказа», нет типов, даже не видно лиц этих людей, — следовательно, это не жанр. По внешности она менее всего подходит к традиционным «историческим» картинам: здесь нет ни театральной композиции, ни изложения исторического факта, ни даже детальной археологической разработки, которая здесь не бросается в глаза и едва лишь кое-где намечена, а между тем — это именно историческая картина в полном и истинном значении этого слова.

Г[-н] Рерих обладает своеобразной способностью в совокупности и свойственной только ему группировке отдельных элементов разных «родов» живописи — передавать дух целой исторической эпохи, передавать так, что она даёт определённое настроение, представляется со всеми характерными особенностями, деталями, типами людей и отдельными моментами их исторической жизни, что нечасто встречается в многотомных исторических романах и монографиях.

В настоящей картине художник остаётся верным себе и неустанно следует по избранному пути, прогрессируя так же, как и его товарищи гг. Рылов, Богатырёв и Зарубин... (М. Далькевич)

Северный курьер. 1900. 19 марта / 1 апреля. № 136. Воскресенье. С. 5.

20 марта 1900 г.

В. Стасов

Пять выставок В двух академиях

Очень близко стоят обе академии одна от другой, расстояния всего несколько шагов, можно сказать, а помещающиеся там всякий год выставки до того разны во всех отношениях, что и вообразить трудно. Точно два разных мира, точно два разных государства. Впрочем, что ж! В этом, собственно говоря, ничего удивительного нет. <...>

В другой академии, Академии художеств, перед нами другая ещё сцена. Тут деятелями выступают уже не все только художники пожилые, художники прежних периодов, напротив, в большинстве случаев, главный состав здешней выставки всё молодые силы. Молодёжь, недавно кончившая классы в Академии художеств и только что начинающая выступать самостоятельно. Чего бы, кажется, всего более надо ожидать здесь? Свежести, самобытности, полной неиспорченности, крепких сил, стремления к правде существующего. Но этого всего чаще вовсе уже и нет. Оказывается на деле, что силы - именно не крепкие и не надёжные, а самостоятельности мало, или даже просто никакой. <...>

Но как ни бедна, как ни мало удовлетворительна выставка, вследствие общего положения нашего художественного дела, в настоящую минуту, в среде молодого поколения, всё-таки можно указать на нынешней выставке в Академии несколько выдающихся довольно хороших произведений: жаль только, что их мало. <...>

На исторические сюжеты картин очень немного: всего две. Одна «Из варяг в греки» г. Владимирова и «Поход русских» г. Рериха. Обе картины были выставлены на конкурсе в Обществе поощрения художеств, и за первую из них была дана 1-я награда, а за другую - 2-я. Такой приговор кажется мне мало справедливым. Картина г. Владимирова ничего другого не представляет кроме нескольких натурщиков до пояса, довольно тщательно написанных — но более того тут уже ровно ничего нет. Картина же г. Рериха, невзирая на многие несовершенства рисунка в фигурах, всё-таки представляет немало истинного интереса. Г[р] Рерих, надо сказать, был первоначально пейзажист и шёл по классу профессора Куинджи. Это извиняет, до некоторой степени, недостатки его рисунка человеческой фигуры. Но, не покидая специальности пейзажа, он увлёкся сюжетами древней русской истории, ревностно занялся также изучением древнерусского быта и этнографии. Оттого его композиции на русские стародавние сюжеты заключают всегда много интереса. Так, например, в нынешнем «Русском походе» и местность, и крутая, ярко освещённая тропинка впереди, в гору, и полоска света вдали на горизонте, и бредущие в изрядном беспорядке «деревенские воины», прямо мужичьё от сохи, в лаптях и онучах, но с досчатыми щитами на руках или за спиной, кто в шлемах, а кто в шапках, и все с кое-каким оружием — это всё живописно и правдиво. Жаль только, что все — к зрителю спиной, и притом почти все опустили головы, словно от меланхолии, и глядят себе под ноги, ни у кого не видать никакой храбрости, мужества или хоть бодрости. Ведь, кажется, их никто на войну плетью не гонит. Но, невзирая на такие недочёты, картина не лишена интереса и, может быть, обещает нам нехудого исторического живописца в будущем. У нас живописцев с историческим чутьём и стремлением всегда так мало. Автору надо побольше учиться, мне кажется. Оттого я о нём немножко и распространился...

Новости и биржевая газета. 1900. 20 марта / 2 апреля. № 79. Понедельник. С. 2.

21 марта 1900 г.

Н. Рерих

ХУДОЖНИКИ (СТАРЫЕ РАЗГОВОРЫ)

Читано в собрании кружка имени Я.П. Полонского

У всякого художника во время работы бывают такие минуты, когда, как говорится, сам чёрт ему не брат. В эти минуты кажется художнику, что сделал он нечто необычайное; такое, чего до сего времени не бывало не только у него, а и ни у кого на свете, и бледным, и жалким представляется ему всё сделанное раньше. Мнится ему, что именно в этих мазках и в этой манере заключается истинное искусство, которое будет понятно везде и не умрёт во все века. Если имеются у художника близкие люди, ему не удержаться, чтобы не поделиться с ними новостью: «А у меня, брат, попало! Славное местечко хватил! Такое местечко, что не каждый день выпадает. Совершенно новое для меня отношение подвернулось; не понимаю, как до сих пор я до него не додумался». И художник на весь вечер становится самым приятным собеседником, поражает всех своею весёлостью и находчивостью.

Не пробуйте в такое время разубеждать его; не пытайтесь сказать ему, что работа его, конечно, хороша, но ничего необыкновенно высокого не представляет. Ваши доводы не поведут ни к чему, разве кроме полной ссоры; в лучшем случае, художник посмотрит на вас надменно и подумает о вас что-нибудь наипрезрительное. В минуты величия художник, при малейшем сомнении в его необычном творении, может стать неприятным до невыносимости, но винить его не приходится. Ведь за каждый час величия заплатит он неделями самобичевания, когда, уничтожив дочиста место небывалого искусства, будет он сидеть над картиной, понуриив голову, полный самого искреннего желания немедленно изорвать своё так недавно любимейшее детище. Бежит тогда художник подальше от своей картины; нужно ему повидаться с товарищами; нужно ему послушать о чужой боли и зарядить себя на дальнейшую работу, чтобы опять, подбирая рукава, бросить вокруг: «А ну-ка, кто выйдет со мною померяться?»

Шумно от говора в художественной квартире - художественной, конечно, не потому, чтобы она была украшена пошлыми мартовскими букетами и дрянными драпировками с манекенами по углам, которые, как известно, пригодны для художественной работы ровно столько же, сколько простой деревянный чурбан. С чего начался разговор - неизвестно. Может быть - с недавней выставки, может быть - с газетной заметки, а может быть - от совсем постороннего предмета, но видно, что продолжается он уже долгое время и многие пришли в говорильное настроение, перебивают друг друга, возвращаются опять к сказанному и горячатся.

Разговор зашёл о подражании, и высказывается удивление, что каким-то странным способом подражание не только считается тяжким грехом, но иногда даже приводится в украшение. В самом начале деятельности находиться под тем или иным влиянием не только не позорно, а, конечно, вполне естественно, но позволить влиять на себя и в последующее время непростительно и гадко, так же гадко, как если человек не имеет своего собственного убеждения. Пусть будет хоть плохонькое, да своё. И в искусстве, и в промышленности, и во всём прочем ещё не могут достаточно понять ту простую и малому ребён-

ку понятную истину, что всё ценно и интересно настолько, насколько оно является оригинальным. Посмотри, за что нас ценят за границу? Да только за наше, а никак не за свои же хвосты, наскоро перевезённые и перекроенные на российский лад. Уж, кажется, ясно и просто, а мы всё же стараемся ущипнуть заграничного и спрятать своё под спуд.

- Вот, - говорит один художник, - кабы наши зодчие сгрохали бы дворец искусства в широко понятом стиле, чтобы он представил собою достаточное помещение для художественных выставок; иначе у нас прямо-таки негде большую выставку устроить.

В Академии художеств выставочные залы выходят на солнечную сторону, и нет картины, которая бы в них не прогорала. Зало Академии наук для картин вовсе не приспособлено. Остаются залы в Обществе поощрения художеств, да в училище Штиглица, но этих помещений слишком мало. Эх, если б помещение с верхним светом вроде большого зала в Русском музее! В этом зале свет превосходен и весьма выгоден для картин. А устроить такое помещение, полагаю, - дело правительства; вот-то будет подарок искусству! Пусть в этом помещении хватит места для всех выставок, и это будет для искусства очень полезно, ибо проще сравнить; иначе, пока идёшь от Академии наук на Морскую, а с Морской в Академию художеств, оно и трудно сопоставить общий характер, и не так очевидно, где больше хорошего отношения к делу.

- Красивое слово - хорошее отношение, а что нам делать с тысячами картиночек, писанных под обои, для украшения гостиных - без всякой художественной задачи. Художники уверяют, что таково требование публики, что они вынуждены отвечать на подобные запросы; но ведь они лгут! Это они сами развращают публику. Да, кроме того, разве основательно оправдание, что, мол, меня заставили сделать пакость, я-де, видел, что эта пакость будет многим приятна? На худой конец, это ещё может служить мотивом смягчающим; примерно, вместо каторжных работ на поселение, но как оправдание такой предлог слаб.

- А вдруг эти художники до того уже упали, что и сами считают свой способ ра боты вполне истинным?

- Не хочется верить; это было бы слишком грустно. Господа, сейчас я скажу на первый звук великую ересь, потому что от художника странно услышать следующую мысль, но приходится желать успеха цветной фотографии. Если может фотография достичь успехов в красках, то дело творчества - в шляпе; у публики сразу явится основательный, а главное, осязательный критерий при суждении о картинах. Все эти милovidные картинки, все эти речки, камушки, полянки, лужайки и дворики - словом, всё, что будет в состоянии заменить цветная фотография, всё пойдёт к чёрту и отпадёт от искусства. Тогда почувствуют, что такое художественная задача, что такое творчество!

- Прибавь, если к тому времени хоть на грош останется того, чем чувствуют. Нас, брат, приличия одолели; по условщине мы прямо в ложноклассики смотрим. Везде-то перегородки, везде-то стойла художественные, везде-то кнуты да вожжи: Шопенгауэр верно теперешний люд фабричным товаром назвал.

- Ты опять за Шопенгауэра! Сознайся, ты его не читал; верно, откуда-нибудь выдернул; этакая, душа моя, начитанность на базаре по гривне стоит.

- Обожди. Посмотри лучше, до чего наша условщина дошла; нападают, например, на Завалина, зачем-де, в его картинах настроение грустное; гово-

рят: этак вы нас до самоубийства доведете, - и говорят это люди препочтенные. Что же выходит? А выходит то, что коли хочешь плясать, то пляши приятно и как-нибудь нашего самодовольного состояния не нарушь. Дай приятное, да умеренное солнышко, зелёную травку, благополучный стаффаж, и благо ти будет.

- Так ты хочешь сказать, что мы паяцы какие-то, увеселители? Да коли ты застрелишься перед картиной - туда тебе и дорога. Будем с публикой друг друга за рога тащить, кто кого перетянет; и коли думаешь верно, то ты и перетянешь, а коли окажешься слюнтяем, туда тебе и дорога, пусть тащат, куда хотят. Не пеняйте, братцы, на время, да на публику; такое-сякое время, такая-сякая публика, а интерес к искусству, видимо, растёт: публика на выставки прибывает, и сами выставки растут и множатся.

- Да уж так множатся, что хоть отбавляй. По-моему, у нас слишком много развелось. Куда нам на наш Петербург 16, 17 выставок! Пусть будет их 5, 6, но чтобы каждая имела хоть какое-нибудь художественное основание. Кроме того, пусть каждая выставка устраивается не каждый год, а через 2, даже через три года! Что завозился? Страшно? Но зато каждая выставка составляла бы известное явление. На каждую выставку работает более или менее постоянный кружок художников; случайные произведения появляются сравнительно редко; и, конечно, трёхгодовой багаж этого кружка был бы куда объёмистее, а главное, солиднее багажа одногоднего. Тебя всё дёргает? Ты о продаже заботишься? Да пуще ты много продаёшь с выставки?

Правду говоря, все эти выставки сделали то, что наша художественная жизнь выходит какая-то куца, ненормальная - мы живём как-то от выставки до выставки. Ведь недаром у публики такой способ разговора с художником выработался: «Вы что к выставке готовите?» Нет дыму без огня! - не угодно ли? Выходит, что мы пишем для выставки, этакая ненормальность! Да к чёрту выставки, не я для выставки существую, а выставки для меня! Есть у тебя что-нибудь кровное, выношенное, переболевшее - давай его на общий суд и не бойся, что бы ни говорили: твоё дело правое. Если же не выпалило у тебя в картине, не насилуй себя, не тяни насильно нутра, ведь оно не бездонное - пусть соки-то нутряные крепнут и вырабатываются.

- Этак говорить легко - всё как по писанному выходит и всё это стародавнее и слишком знакомое, а что ты против таких двух противных предметов скажешь? Первое против недостатка гражданского мужества; хватит ли у тебя мужества гражданского сознать себя недостойным публичного слова, все говорят и много хуже тебя говорят и кричат даже, а ты сиди и помалкивай и закусывай губу, чтобы со словом не вылезть. Второй камень преткновения всяких лучших стремлений - проклятая лавочка. Где тут идея, где тут любовь, где тут самое близкое, когда этим самым-то близким приходится торговать; своей же возлюбленной себя содержать! Нет, положительно занимайся чем угодно, но не торгуй искусством! Будь, как в средние века, булочником, чеканщиком, коммерсантом, но для своего искусства оставляй угол нетронутый; пусть будет оно этакое святое святых.

Помнишь, «аще учнут глаголати, мы тем живём и питаемся, и таковому их речению не внимати». Наши предки правильно рассуждали. И чего ради мы боимся какого-либо иного дела? Словно бы мы не уверены в своём искусстве, словно мы не ручаемся за его неприкосновенность.

Почему мастера Возрождения всё успевали? Я уж не говорю, чтобы быть и художником, и инженером, и физиком, и музыкантом, и многим прочим, как был да Винчи... Наша теперешняя специализация, пожалуй, не столько вынуждена физической необходимостью и невозможностью, сколько неумением пользоваться временем и опять-таки какую-то странную принятостью, условностью...

Больно много у нас страха иудейска; уж слишком желаем мы понравиться. Смелости не хватает забыть о зрителе и видеть перед собою одно только дело. Боимся, как бы не оскорбить щедрого давальца. Всё-таки согрешу на публику: она виновата.

- Нет, ты оставь публику. Ек ей, сердешной, сегодня достаётся; поговорили о ней - и будет, а то опять о публике. Ты скажи мне, какое действительно выдающееся произведение не было оценено публикой? Где при гонении произведение находило сторонников? - да всё среди публики же. Публика часто берёт не умом, а сердцем. Конечно, я не говорю про публику, что на выставках свидания назначает и ходит по выставкам в посту, потому-то де это время для сего занятия узаконенное и параграфом хорошего тона предусмотренное. Заговаривают на рауте о выставках - и вдруг придётся дураком сидеть. А вот действительно за публикой водится один грешок в отношении печатного слова; частенько она им не руководствуется, не принимает в соображение, а берёт его слепо и наклеивает целиком на свои суждения. Вспоминаю всегда рассказ, как критик указал на неправильный рисунок какой-то детали картины, а художник в тот же день исправил его, но большинство публики, тем не менее, усматривало несуществующую небрежность рисунка. Этот анекдот отдаёт правдой. Особенно же бывает забавно, когда начинается художественная травля и некоторые зрители получают разрешение печати возмущаться. То-то уморительно бывает смотреть, как они возмущаются, фыркают и брызжут, словно бы на любимую их мозоль наступили, словно бы искусство для них было невесть чем-то близким, а ведь целый год о нём готовы не вспомнить. И попробуй уличи их, что они говорят с чужого голоса, так, куда тебе, - выйдет что ещё в люльке они тем же возмущались, когда ногами барахтали.

Теперь и смех, и грех бывает; декадентство всех с толку сбило; теперь если что непонятно, ни под какой шаблон не подходит, то и декадентство; хорошо и скоро, и раздумывать много не требуется.

- А между тем основные черты нового направления, в котором никакого декадентства быть не может, по-видимому, совершенно ясно установилось. Главная и неперемнная его особенность - субъективизм и широкое понимание художника. Мне кажется, при новом направлении доселе разгороженные понятия жанра и пейзажа во многом сольются; и задача пейзажная получит особое значение, ибо вне условий пейзажа, то есть вне условий воздуха, вне условий природы нельзя представить никакого предмета, будет ли он трактоваться в закрытом помещении или под небом.

В своём служении природе современные художники делают яркими пантеистами. Они видят человека не царём природы, а частью её, почитают его и отводят ему место такое же, как и прочим подробностям мироздания. Из этого, конечно, не следует выводить, что будет забыта сторона психологическая; вовсе нет, но она будет воспроизводиться, насколько может уловить её внешнее наблюдение, без всякой утрировки. И в этом начале - великий шаг к правде. Смотрите, давно ли ещё повернуть фигуру спиной к зрителю или поме-

ститесь не в центре картины считалось великим грехом, а теперь мы уже додумались до передачи внутреннего чувства в общем движении.

Теперь одним сюжетом, или рисунком, или композицией уже не возьмёшь: надо брать шире, надо вызвать известное настроение, песню природы, приблизиться к природе, но взять её не протокольным, бездушным этюдом, а истолковать её, рассказать о ней всем в таких задушевных словах, на какие способен лишь истинно влюблённый в неё человек. Как пред влюблённым без конца открываются прелести возлюбленной, так и художники, всё теснее сближаясь с природой, улавливают всё новые цветные аккорды, и чем глубже поймут они природу, тем и аккорды будут нежнее, музыкальнее. Заметно утончённее стали теперешние художественные задачи; теперь иногда художник задаётся целью передать такое сложное и как бы сказать деликатное настроение и в фигурах, и в природе, о которых прежде и помину не было.

- Но вот будет беда, если художники станут глубоко погружаться в природу и ловить тончайшие её созвучия, а зрители не захотят ближе подойти к природе; между ними не образовалось бы пропасти? Через вату практики, утилитаризма очень многие уши не дослышат всего более тонкого; им доступно лишь резкое, грубое, от чего - если бы уши их были свободны - заболела бы голова и, пожалуй, обморок сделался. Ведь только когда нас насильно пихнут, когда нас выкинут из обихода, только тогда обращаемся мы к природе - это к природе-то, которая выше всего, в которой один восход солнца может объяснить столько, сколько не почувствуешь в десятки лет городской жизни! Разве мы наблюдаем природу? Бейся, изучай освещение, аккорд природы и всегда будь готов, что его назовут неестественным, и не потому, чтобы он был действительно фальшив, а потому, что мы никогда не давали себе ни времени, ни отчёта наоблисти его. У нас всё важные дела; где же нам возиться с глупой, ни на что выгодное не пригодной природой.

- Если такая пропасть и в самом деле существует, то всё-таки она не страшна. В последнее время чувствуются какие-то хорошие, идеальные веяния. Весь символизм - разве не прямое указание, что общество метнулось куда-то в сторону, в какую сторону - потом увидим, но самого движения отрицать нельзя.

- Туговато идеальные веяния распространяются. Вообрази, ещё недавно читал я заметку; положим, ничего не стоящая заметка, но всё же написанная молодым художником; знаешь, о чём он там проповедует? - о жетонах и о медалях, раздаваемых Академией, об опеке Академии над выставкой. Желаю этому милому молодому человеку наполучать столько жетонов и медалей, чтобы весь колпак увешать ими и бренчать на целую версту. О чём заботятся люди! Того нет, чтобы написать хорошую вещь, но мечтать о жетонах да о параграфах и ещё навязывать свои мечтания другим! Вот так художник!

- Не вижу, о ком ты говоришь, но ещё художник ли он или только официально усвоил себе это название. У нас понятие художника весьма растяжимо; у нас, странным образом, считается художником всякий умеющий держать карандаш в руке и замазать холст краскою. Понятие художника отделить необходимо от ремесленника и любителя. Возьмём наши выставки; экспоненты её считаются художниками, а многие ли из них владеют этим названием по праву? Например, я уже как-то раз предлагал и опять настаиваю отделить художника-акварелиста и просто акварелиста; бывает же инженер-механик и просто механик.

- А кто отделять будет? И ты до ярлыков договорился.

- Ох, эти медали! Ох, эти ярлыки! - соблазна-то у них без конца. Посмотри, с каким вожделением хлопочут из-за них большие европейские мастера до сего времени.

Надо как-то шире брать. Не знаю, как шире, да и можно ли знать это. Пусть уж искусство остаётся свободным. Наука будет законна, а искусство незаконно. Как ты можешь в искусстве "знать"? Будем в искусстве чувствовать, а главное любить его. С любовью придёт и серьёзное к нему отношение. Хоть и простыл чай, но слово ещё тёплое; пью за искусство!

- Пропись, голубчик, прогнившая пропись. Поменьше слов. Часто мы слишком много говорим и из-за разговора дела не видим.

- Ну, уж коли на это пошло, то и твои речи - тоже пропись препорядочная; не знаю, как всей братии, а мне завтра свежая голова нужна. Опять до второго часа досиделись. Не безобразники ли?

В тесной передней толкотня; разбирают шапки, размениваются калошами. Хозяин сверху освещает путь лампой.

- Осторожней, налево приступочек. Внизу ещё шесть ступеней.

Из конуры вылезает заспанный швейцар, на ходу запахивая ливрею. "Эк их носит, полунощников!"

Разбрелись полунощники по разным улицам и уносят в себе сумбурный чад отрывочных разговоров. В каждом какой-либо из этих разговоров расковырял ту или иную струну; каждый на чём-нибудь ловит себя: не я ли, Господи?

У кого просветлело, и горит он назавтра дёрнуть такое, после чего не скоро к нему подступишься: уже вырастают пред ним нужные красочные сочетания, а фигура, над которой бился он уже несколько дней, вдруг так удачно передвинулась, так ловко связалась с соседом, что задаёт новую ноту всей картине. Другой же ещё пуце задумался и пытается себя: да где же граница? И тут тоже везде личности какие-то, семейные дела, те же мелочи! Где же тут идея-то? - мучает он себя; впрочем, и он завтра будет работать. Во всех что-то закопошилось, словно бы они проговорили весь вечер о чём-то новом, неслыханном, а этому неслыханному уже лет без числа; поседело оно, только не ржавеет - клади его в горн, раскаляй и выковывай на всякие манеры. Учёный, пожалуй, при этом скажет *idem sunt omnia semper* - вот, мол, какие словечки знаю!

Пред засыпающим художником пробегают неясные миражи; вечно он ищущий, вечно прищуривающийся вдаль. Не дай Бог, если художник успокоится, если определённно ответит себе на все внутренние вопросы: тогда жизнь его окончена, вешай его в музей и служи по нём панихиду; он станет на месте и этой своею неподвижностью пойдёт назад, и как быстро пойдёт! Не должно быть покойно художнику.

Глухою ночью, со свечой в руке, в одном нижнем, вытянувшись на табурете, что-то сдирает он в картине. По потолку и по стенам разбегаются чёрные тени. Маленькою и ничтожною кажется фигурка художника при этих исполинских ползучих тенях. Кругом всё спит; ни до кого нет дела художнику - сейчас он далёк от окружающего. Пахнуло на него каким-то мимо бегущим ветром, он мучается, болеет, дрожит - ему хорошо.

Санкт-Петербургские ведомости. 1900. 21 Марта / 3 Апреля. № 79.

30 Марта 1900 г., СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Шапошниковой Е.И.

Дорогая моя и хорошая, сегодня, т.е. в Четверг что-то мне нехорошо – верно, у Вас опять какие-нибудь идут неважные разговоры. Сейчас еду на дурацкий спектакль, буду улыбаться, буду шутки шутить, а внутри будет скверно, и опять буду что-то выдумывать, что-то комбинировать, чтобы вышло всё получше и было бы не худо моей Ладе – первому человеку, заставившему меня думать не только о самом себе. Но всё как-то не выходит ничего хорошего, особенно, если Ты, моя дорогая, почему-то чувствуешь себя не прочной в отношении меня. Хотя, (не только думаю, но даже уверен), что Ты на самом деле несравненно прочнее, нежели сама предполагаешь.

Знаешь что? – В первый раз мне страшно к Вам ехать; страшно за то, что не знаю, как примет меня Е[катерина] В[асильевна]. Ей не понять наших соображений, и она может нарушить наше хорошее время. Если же оно нарушится – я не представляю что и будет? Отсрочить, отдалить – я могу, но вычеркнуть прямо трудно, - Ты, ведь, наверно, то же думаешь. И вот я начинаю обманывать себя, строю картины, что всё обладится очень хорошо и хочется хоть неделю, хоть день оставаться ещё при этих надеждах. А, впрочем, чего же я раскудахтался? – быть может, и впрямь всё обойдётся ладно. Что же такое я совершил, чтобы на меня всё посыпалось: и с Музеем не вышло, и с картиной то же, и во всём то же (сегодня нам с Зарубиным вместо благодарности выговор сделали за устройство выставки, хотя мы сделали всё, что было мыслимо); неужели же и в душевной моей жизни должна быть также неурядица и ломка, неужто нельзя миновать этих рифов и идти вперёд полным парусом?

Скажем себе, моя милая, что можно, и пойдём вперёд; авось и выберемся на торную тропу. Когда представлю себе, какие сцены приходится Тебе выносить, мне жутко и холодно делается, и обидно за беспомощность и куцые мозги, которые сейчас же не могут измыслить чего-либо подходящего.

Приеду или завтра, или в Воскресенье, ибо в Субботу – Марии, т. е. именины машины. Впрочем, вернее, приеду в Воскресенье и прямо к обеду, чтобы до обеда неприятной беседы не было, а завтра страшно ехать. Вот малодушие-то какое! - видите, хоть денек ещё... А тучи-то кругом заходят синие-пресиние, и зарница уже белеет, того гляди, молния стрельнёт. Ну да не всегда бьёт молния в дерево, иногда и в пустое поле ударит – в сыпучий песок, и ничего песку от этого не делается, только останется стекловидная трубочка – ребятам на забаву.

Теперь половина восьмого, Ты, вероятно, в концерте будешь. Хотелось бы видеть, как Ты выходишь, серьёзная такая и бледная, и сдвигаешь брови и играешь тоже серьёзно.

Рассказывал я Зарубину наши обстоятельства – он искренно возмущается, но ничего не может выдумать.

Значит до Воскресенья – и жутко же мне будет ехать к Вам.

Целую Тебя и чувствую Тебя близко.

Твой Н. Р.

30 Марта 1900 г.

Ноги просто не слушаются после 8-мичасовых хлопот по выставке.

Если будет нужно, то поклонись всем, кому следует.

У нас дома – сплошной скандал, который может прекратиться лишь с помещением в больницу. Трудно винить мамашу, ибо у неё, действительно, голова кругом идёт.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/153, 3 л.

АПРЕЛЬ

8 апреля 1900 г.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА¹

Русский павильон на Всемирной выставке в Париже 1900

Из Парижа нам сообщают состав русского художественного отдела. Вот перечень художников и их произведений: Шишкин – «Заброшенная мельница». Волков – «Дорога в усадьбу», Первухин – «Волга», Айвазовский – «Океан», Лебедев – «Кончина царя Фёдора Иоанновича», Серов – «Портрет Великого Князя Павла Александровича», Пурвит – «При последних лучах», Беркос – «Новь», Столица – «Ермак», Кондратенко – «Ночь», Рябушкин – «Купеческая семья XVII века», Малявин – «Смех», Рерих – «Славянские старшины у священного дуба»...

Россия. 1900. 8/21 апреля. № 343.

М. Далькевич

За месяц Весенние выставки: академическая, Общества С.-Петербургских художников и передвижная

Первыми открылись у нас академическая выставка и Общества С.-Петербургских художников, где в настоящем году особенно ярко выразились два крайних течения: одно - самое молодое, едва появившееся и только теперь начинающее принимать определённые формы, другое - вполне сложившееся, состарившееся и уже отживающее. <...>

С тех пор, как приличное по внешности техническое исполнение стало у нас обыкновенным явлением и усвоение его значительно облегчилось открытием многочисленных школ и характером преподавания и требований самой Академии, — оно стало достоянием многих. Выучиться техническим приёмам

¹ Всемирная выставка 1900 года проводилась в Париже с 15 апреля по 12 ноября 1900 года. – *Ред.*

и овладеть грамотностью не значит ещё быть художником. Это всякий понимает, когда вопрос касается, положим, литературы, где никто не причислит к одной категории газетного рецензента, обстоятельно и толково описывающего пожар или скачки, — и беллетриста-художника, который даёт полную картину жизни или целой эпохи. Между тем относительно живописи существует на этот счёт полное смешение понятий: здесь — все «художники», кто только хотя бы чуть-чуть грамотен, и пока таких грамотеев было немного, — с этим ещё можно было мириться, но в наше время, когда они насчитываются тысячами, когда большая часть того, что они делают, может быть заменена механическим производством — пора различать их от художников, пора, наконец, и самим художникам принять меры, чтобы оградить искусство, которому они служат бескорыстно и часто с полным самопожертвованием, понуждаемые только потребностью подобного служения, — от вторжения его в область чуждых ему элементов, не имеющих с ним ничего общего. Подобная задача, симпатичная и заслуживающая глубокого уважения, вполне назрела и в наши дни, когда ремесленные произведения запруживают целые выставки, как, напр., Общества Петерб. худ., - стала вполне своевременной. Но она никогда не приводилась в исполнение в широких размерах, определённо и резко, и подобная попытка кажется чем-то новым, а потому особенно смелым, трудным и неблагодарным. Решиться на это могла только молодёжь, верящая в себя, увлекающаяся, но преданная делу и потому решительная. В последние годы, когда в Академии воцарились новые порядки, - оттуда вышла целая плеяда такой молодёжи, не одинаково сильной и установившейся, но талантливой искренне, осмелившейся попытаться выполнить подобную задачу.

Большинство жюри настоящей академической выставки состояло именно из таких молодых художников, и, в результате их оценки, оказалось: около четырёхсот картин отверженных и лишь около трёхсот принятых.

Из обзора академической выставки и устроенной отверженными попытаемся определить их характер и взаимное отношение.

В Академии самое значительное произведение — картина г. Рериха «Поход (Русь)». Она служит продолжением других, появившихся раньше, где были воплощены моменты из жизни той же Руси, предшествовавшие «Походу», как то: прошлогодние «Старцы», собравшиеся на совет, и ещё раньше «Гонец», посланный с вестями от одного славянского племени к другому. (С ними наши читатели знакомы по приложениям к одному из № журналов за прошлый год.) В настоящей картине так же определённо выступает своеобразная способность художника в совокупности и свойственной только ему группировке отдельных элементов разных «родов» живописи — передавать дух целой исторической эпохи, передавать так, что она даёт определённое настроение, представляется со всеми характерными особенностями, деталями, типами людей и отдельными моментами из исторической жизни, что не часто встречается даже в многотомных исторических романах и монографиях. В настоящей картине художник остаётся верным себе и неустанно следует по избранному им пути, прогрессируя точно так же, как и некоторые из его товарищей, — гг. Рылов, Богатырёв и Зарубин...

Искусство и художественная промышленность. 1900. Апрель. № 19. Илл. с. 400 [Н. Рерих. Поход (За Русь)]

22 апреля 1900 г.

Письмо В.В. Стасова к Н.К. Рериху (Приложена фотография).

Суббота 22 апреля 1900

Парголово “Английская” церковь,
в столярном стиле: терпеть её не могу.

Напоминаю Вам, Николай Константинович, что жду Вас завтра, Воскресенье; 23 апреля в 2 часа, в мастерской Репина – смотреть мой новый портрет.

До свидания. Ваш В.С.

Надеюсь, что будет Стоить!!!

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1324, 1 л.

И.Е. Репин. Портрет В.В. Стасова. 1900.

ХРОНИКА

22 апреля в помещении Императорского Русского археологического общества состоялось общее годовое собрание членов под председательством помощника председателя графа И. И. Толстого. По приглашению председателя почтена была вставанием память умершего члена Л. Н. Майкова, причём граф И. И. Толстой дал краткую общую характеристику покойного, который отличался вообще большой разносторонностью и, будучи членом многих учёных обществ, живо интересовался собраниями и вносил в них дух примирения, здоровой критики и вкуса. А. К. Марков сообщил биографические сведения об умершем недавно коллекционере-нумизмате Ю. Б. Иверсене, служившем старшим хранителем в Императорском Эрмитаже.

Затем секретарём общества В. Г. Дружининым был прочтён отчёт о действиях общества за минувший год. В 1899 году состоялось 3 общих собрания общества, 8 заседаний русского отделения, 7 восточного, 7 классического. По поручению общества художником-археологом Н. К. Рерих были произведены раскопки в Новгородской и Псковской губерниях. Восточным отделением предложено устройство экспедиции в бассейн Тарима (в Среднюю Азию) для исследования археологических богатств той местности. Издана обществом составленная Н. И. Веселовским историческая записка о деятельности общества и пр. Казначеем общества А. К. Марковым прочтён был отчёт о движении сумм, принадлежащих обществу...

Санкт-Петербургские ведомости. 1900. 25 апреля / 8 мая. №111.

24 апреля 1900 г.

Письмо (фотокопия) Н.К. Рериха к В.В. фон Мекку

Милостивый Государь, Владимир Владимирович.

В дополнение к недавнему письму моему, позволю себе беспокоить Вас ещё одним вопросом. Так как я отдал кому-то Ваш список, а меня спрашивают относительно Гакон Слепого². то не будете ли так любезны, сообщить мне, свободно ли это стихотворение? – чем премного обяжете.

Готовый к услугам

Вашим Н. Рерих

В.О. лин. № 15. 24.IV. 900

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/1870. 1 л.

Стихотворение А.К. Толстого «Гакон Слепой».

Из записи Н.К. Рериха в альбоме-вопроснике сестёр Шнейдер 31 мая 1900 г.:

- Ваши любимые поэты?
- А. ТОЛСТОЙ

А.К. Толстой

ВОЛКИ

Когда в сёлах пустеет,
Смолкнут песни селян
И седой забелеет
Над болотом туман,
Из лесов тихомолком
По полям волк за волком
Отправляются все на добычу.

Семь волков идут смело,
Впереди их идёт
Волк осьмой, шерсти белой,
А таинственный ход
Завершает девятый:
С окровавленной пятой
Он за ними идёт и хромает.

Их ничто не пугает:
На село ли им путь,
Пёс на них и не лает,
А мужик идохнуть,
Видя их, не посмеет,
Он от страха бледнеет
И читает тихонько молитву.

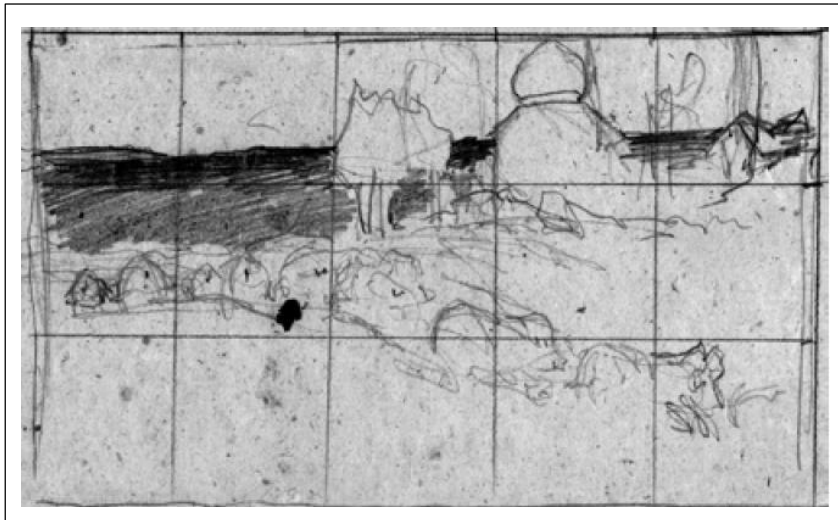
Волки церковь обходят
Осторожно кругом,
В двор поповский заходят
И шевелят хвостом.
Близ корчмы водят ухом
И внимают всем слухом:
Не ведутся ль там грешные речи?

Их глаза словно свечи,
Зубы шила острей.
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стреляй по ним смело!
Прежде рухнет волк белый,
А за ним упадут и другие.

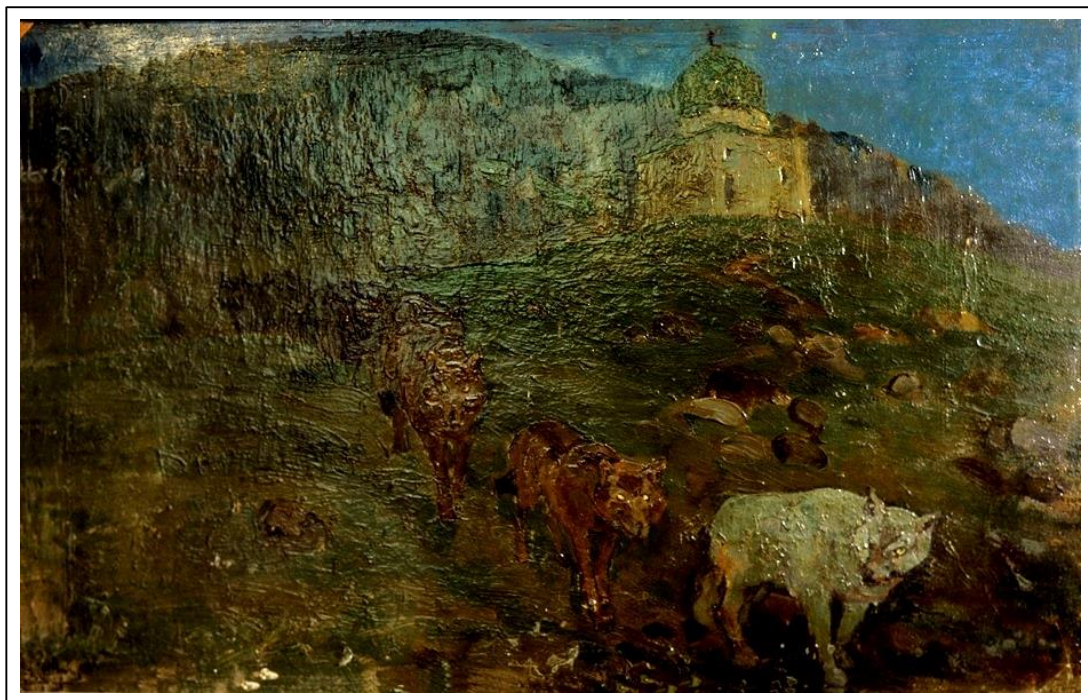
На селе ж, когда спящих
Всех разбудит петух,
Ты увидишь лежащих
Девять мёртвых старух:
Впереди их седая,
Позади их хромая,
Все в крови... с ними сила господня!

Н.К. Рерих. Волки. 1900. Набросок композиции к одноимённой картине по мотивам баллады А.К. Толстого «Волки». 1 вариант.

Н.К. Рерих. Волки. 1900. Набросок композиции к одноимённой картине по мотивам баллады А.К. Толстого *«Волки»*. 2 вариант.

Н.К. Рерих. Волки. 1900.

*«Волки церковь обходят
Осторожно кругом,
В двор поповский заходят
И шевелят хвостом...»*

*«Их глаза словно свечи,
Зубы шила острей.
Ты тринадцать картечей
Козьей шерстью забей
И стреляй по ним смело!..»*